

О`Генри

Цена одного доллара

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
О-11

О-11 **О'Генри**
Цена одного доллара / О'Генри – М.: Книга по Требованию, 2022. – 56 с.

ISBN 978-5-521-25780-5

ISBN 978-5-521-25780-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

пертов, чтобы доказать, что монета фальшива, не так ли, Килл?» — улыбнулся Литльфильд, бросая доллар на стол, где монета звенела не звонче слитка олова..

«Можно считать, что мексиканец уже за решеткой,» — сказал Килпатрик, передвигая кобуру револьвера поудобнее: «Он у вас полностью в руках. Если бы это случилось только один раз — эти мексиканцы не всегда умеют отличить хорошие деньги от фальшивых; но этот желтый негодяй принадлежит к шайке фальшивомонетчиков, я это знаю. Это первый раз, что я его накрыл при работе. У него есть девушка, там, у реки, в мексиканских бараках. Однажды я ее видел, когда наблюдал за Ортицем».

Литльфильд сунул фальшивый доллар в карман и вложил свои заметки о деле Ортица в конверт. В эту минуту в дверях появилось веселое, смеющееся девичье лицо, и в комнату вошла Нанси Дервент.

«О, Боб, правда ли, что заседание перенесено на завтра?» — спросила она Литльфильда.

«Да» — отвечал прокурор: «И я весьма рад этому. Мне нужно просмотреть кучу актов и..».

«Ну, да, это очень на тебя похоже! Я удивляюсь, как это вы с отцом не превратились еще в своды законов или же в судебные папки. Я хочу отправиться с тобой после обеда стрелять перепелов. Прерия кишит ими. Пожалуйста, не говори: нет! Я хочу попробовать свою новую двухстволку. Я уже послала в конюшню, чтобы нанять для охотничьего экипажа Фли и Бесс; они при стрельбе стоят так смирно! Я была уверена, что ты поедешь со мной!»

Осенью они должны были пожениться. Поэтому перепела выиграли день у переплетенных в телячью кожу фолиантов. Литльфильд начал убирать свои бумаги. В дверь постучали. — «Войдите!» В комнату вошла красивая, черноглазая девушка,

кожа которой слегка отливала лимоном. На голове ее была, небрежно наброшенная, черная шаль.

Она начала говорить по-испански — быстрая, жалобная струя меланхолической музыки. Килпатрик стал переводить по частям речь девушки Литльфильду, не понимавшему по-испански, время от времени поднимая руку, чтобы сдержать поток слов.

«Она пришла, чтобы поговорить с вами, мистер Литльфильд. Ее зовут Попа Тревинас. Она хочет говорить с вами о...—Ну, она связана с этим самым Рафаэлем Ортицем. Она его...—Ну, она его девушка. Она говорит, что Ортиц невинен. Она говорит, что она сделала монету и подбила Ортица пустить ее в ход. Не верьте ей, мистер Литльфильд. Они уже так устроены, эти мексиканские девушки: они врут, воруют или убивают для какого-нибудь прохвоста, если влюбятся в него. Никогда не верьте женщине, которая влюблена!»

«Мистер Килпатрик!»

Возмущенный возглас Нанти Дервент заставил шерифа потратить минуту на всевозможные уверения и извинения, после чего он продолжал переводить дальше.

«Она говорит, что готова сесть вместо Ортица в тюрьму, если только вы его выпустите на свободу. Она говорит, что она была смертельно больна лихорадкой, и доктор сказал, что без лекарства она должна будет умереть. Только поэтому Ортиц хотел уплатить в аптеке фальшивым долларом. Она говорит, что он хотел спасти ей жизнь. Она, видно, сильно влюблена в этого Рафаэля, «all right»; в ее болтовне целая куча всякой ерунды о любви и тому подобных вещах, что вы, безусловно, не желаете слушать.»

Для прокурора все это было старой историей.

„Скажите ей, что я ничего не могу сделать. Дело будет разбираться завтра утром, и Ортицу придется отвечать перед судом“.

Нанси Дервент не была так закалена. С со-

страдательным интересом она смотрела то на девушку, то на Литльфильда. Килпатрик перевел девушке слова прокурора. Тихим голосом она произнесла еще одно или два предложения, потом опустила шаль на лицо и покинула комнату.

«Что она ответила?»—спросил прокурор.

«Ничего особенного», отвечал Килпатрик: Она сказала: если жизнь той... дайте-ка подумать, что это значит—*si la vida de ella aguien tu amas*.

„Если жизнь девушки, которую ты любишь, когданибудь будет в опасности, тогда вспомни о Рафаэле Ортице!“

Килпатрик вышел из комнаты и направился в контору.

«Может, ты, все же можешь что-либо для нее сделать, Боб?» спросила Нанси: «Такая мелочь, какой-то фальшивый доллар,—уничтожает счастье двух жизней! Она находилась же в смертельной опасности, и он сделал это, чтобы спасти ее. Неужели закон не знает сострадания!»

«Состраданию нет места в юриспруденции, Нан»,—отвечал Литльфильд: «Я обещаю тебе, что мое обвинение не будет слишком острым, но его можно считать осужденным. Свидетели присягнут, что он дал фальшивый доллар, который в настоящий момент находится в моем кармане, как, «вещественное доказательство № 1». Присяжные—не мексиканцы, и они осудят Ортица, не покидая своих мест для совещания».

* * *

Из-за волнений охоты дело Рафаэля Ортица и горе Попы Тревенас были скоро забыты. Прокурор и Нанси Дервент проехали три мили по ровной, поросшей травой, дороге и свернули прямо через степь на узкую полосу кустарников на берегу реки Пиедра. По другую сторону реки лежала прерия, любимое местонахождение перепелов. Приближаясь к реке, они слышали справа галоп ло-

шади и увидели черноволосого мужчину с темно-коричневым лицом, который скакал в направлении леса. По всей вероятности он обогнал их сзади.

«Я уже видел где-то этого типа», — сказал Литльфильд, обладавший прекрасной памятью: «Только не помню—где? Очевидно какой-то фермер, который сокращает дорогу домой».

Они провели час в прерии, стреляли с повозки перепелов. Нанси Дервент, хорошая спортсменка, была удовлетворена своим новым ружьем. Она уложила только на две пары меньше, чем ее спутник.

Легкой рысью они отправились домой. Когда до реки осталось не более ста метров, из кустарников вынырнул всадник и поскакал прямо на них...

„Он выглядит так же, как тот, что попался нам по дороге сюда“, — заметила мисс Дервент.

Когда расстояние между ними уменьшилось, прокурор вдруг резким движением остановил лошадей. Приближающийся индивидуум вытащил из чехла винтовку Винчестера и перебросил ее через руку.

«Теперь я тебя узнаю, Мексико Сам», — проормотал Литльфильд про себя.

Мексико Сам не заставил долго сомневаться в его намерениях. У него был немалый опыт в обращении с огнестрельным оружием, и когда он почти достиг границы достигаемости дробового ружья, он приложил свой винчестер к плечу и открыл беглый огонь. Первая пуля попала в спинку сидения, как раз между плечом Литльфильда и щекой мисс Дервент. Вторая—слегка - оцарапала руку Литльфильду.

Прокурор поспешно вытащил Нанси из повозки на землю. Она была слегка бледна, но не задавала вопросов. Она обладала инстинктом границы, который принимает любое положение без излишних дискуссий. Они схватили свои ружья, и Литльфильд спешно достал из бумажной коробки

под сиденьем несколько горстей патронов и распи-
хал их по карманам.

«Держись за лошадыми, Нан»,—крикнул он:
«Этот тип—бандит, которого я однажды упрятал в
тюрьму! Теперь он пытается со мной сосчитаться.
Он знает, что на этом расстоянии наши выстрелы
не могут ему повредить».

«All right, Боб», сказала Нанси стойко: «Я не
боюсь. Только ты тоже подойди поближе ко мне.
Хо, Бесс, стой теперь тихо!» Она погладила гриву
лошади. Литльфильд стоял с ружьем наготове и
молил Бога, чтобы контрабандист подъехал на рас-
стояние выстрела.

Однако Мексико Сам преследовал свою Вен-
детту в пределах безопасности. Его верный глаз
очертил воображаемую черту вокруг зоны досяга-
емости охотничьего ружья, и вдоль этой границы
он и галопировал. Он свернул свою лошадь вправо,
и когда его жертвы поспешили перебежать на дру-
гую сторону своего живого бруствера, пуля проби-
ла шляпу прокурора. Во время таких передвиже-
ний он, однажды, просчитался и перешел границу.
Сейчас же заговорило ружье Литльфильда, и Мек-
сико Сам согнул голову под свист безобидных
свинцовых зернышек. Несколько из них кольнули
его коня, и он поспешил ускакать за пояс безо-
пасности.

Контрабандист продолжал палить. Нанси
слегка вскрикнула, и испуганный Литльфильд уви-
дел кровь на ее щеке.

«Я не ранена, Боб, меня зацепил маленький
осколок. Я думаю, он попал в колесо.»

«Боже!»—простонал Литльфильд: «Если бы у
меня был хоть один заряд картечи!»

Негодяй придержал коня и старательно при-
целился. Фли захрапела и повалилась на землю,
пораженная в шею. Бесс, выведенная из заблуж-
дения и понявшая, что охотятся не по перепелам,
порвала упряжь и ускакала прочь. Мексико Сам
прострелил охотничью куртку Нанси. «Ложись, ло-

жись!»—заорал Литльфильд: «Ложись за лошадь, прижмись к земле!—Вот так!»—Он притиснул ее к земле за спину упавшей Фли. Странно, в этот момент он вспомнил слова мексиканской девушки: «Если жизнь девушки, которую ты любишь, когда-нибудь подвергнется опасности, вспомни Рафаэля Ортица.» Литльфильд внезапно вскрикнул.

«Открой огонь по нем, Нан, через спину коня! Пали так часто, как только можешь! Ты не можешь ему повредить, но задержи его на минуту, пока я попробую привести в исполнение маленький план!»

Нанси быстро посмотрела на Литльфильда и увидела, что он вытащил карманный нож и раскрыл его. Потом она отвернулась, чтобы повиноваться приказу и открыть беглый огонь по врагу.

Мексико Сам терпеливо ожидал, пока прекратится эта безвредная канонада. У него была масса времени, и он совсем не желал рисковать получить случайную дробишку в глаз, если без этого можно было обойтись. Он надвинул свою тяжелую шляпу глубже на глаза, пока не прекратились выстрелы. Тогда он немножко приблизился и старательно взял на мушку то, что можно было взять от его жертв. Они не шевелились. Мексико Сам заставил лошадь сделать еще несколько шагов вперед. Он видел, как прокурор приподнялся на одно колено и задумчиво приложился. Контрабандист опять натянул глубже шляпу и спокойно ожидал заряда безобидных дробинок.

Гулко бухнул дробовик. Мексико Сам вздохнул, схватился за грудь и медленно свалился с коня—мертвая «Гремучая Змея».

* * *

На другое утро заседал суд по делу: Соединенные Штаты *versus* Рафаэль Ортиц. Прокурор, с рукой на перевязи, поднялся и обратился к суду.—

«С разрешения суда», сказал он: «В этом

случае я хочу взять свое обвинение обратно. Хотя обвиняемый и виновен, но правительство не имеет налицо необходимых доказательств, чтобы осудить его. Фальшивая монета, на наличии которой было построено все дело, как вещественное доказательство, в настоящий момент находится за пределами нашей досягаемости. Поэтому я прошу прекратить дело».

Во время обеденного перерыва в кабинет прокурора зашел Килпатрик. «Был сейчас внизу чтобы взглянуть на старину Мексико Сама,» — сказал он: «Вы его здорово щелкнули! Наши мальчики страшно удивляются, чем вы его, собственно, уложили. Некоторые говорят, что это должно быть были гвозди. А я еще не видел штук, которые вылетают из ружья и делают такие дырки.»

«Я застрелил его», ответил прокурор, «Вещественным доказательством № 1» — из вашего процесса с фальшивомонетчиками. Большое счастье для меня и еще для кого-то другого, что монета была так плохо сделана! Ее можно было прекрасно разрезать на карточные куски. Скажите-ка Кил, не смогли бы вы сходить к баракам и разузнать, где живет эта мексиканская девушка? Мисс Дервент хотела бы это знать».

Л. И. Бестон

ПРЕДАТЕЛЬ

(ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО)

Лайнгар нетерпеливо отдул в сторону дым сигары Вильямса.—«Волтурно запаздывает,»—заметил он с беспокойством:—«Запаздывает почти на пятнадцать минут. Это мне совсем не нравится».

— «Чтобы быть точным — на 12 минут»,— поправил Бродье:—«Он придет. Однако, я нахожу, что в этом проклятом бюро чертовски холодно».— Он подбросил в огонь несколько кусков угля.— «Хозяин не любит, чтобы в это время топили. Довольно глупо, что Волтурно назначил нам свидание только в десять часов».

Лайнгар поднял руку:—«Мне кажется, я слышу его шаги»,—заявил он.

Бродье остался стоять с поднятой над огнем правой ногой; Лайнгар держал руку поднятой; Вильямс склонил голову на плечо и прислушивался.

Трое мужчин находились в большой конторской комнате, под крышей одного из зданий вблизи Тоуэр Хилла. Посреди комнаты стоял длинный стол и четыре обтянутых кожей кресла. В одном из углов находился американский письменный стол, в

другом—старая пишущая машинка, а на стене висел телефон. Единственное окно комнаты выходило в узкую шахту, образованную стенами четырех домов. В это время шахта казалась темной дырой, ибо было уже поздно. Сто семнадцать ступенек лестницы, ведущей вниз, отмечали еще три этажа, в которых находились тоже только различные бюро. Однако, владельцы этих контор уже довольно давно разошлись по домам, и портье со своей женой уже успели подмести и убрать комнаты.

Бюро, в котором трое мужчин ожидали четвертого, имело двери, сделанные наполовину из железа, наполовину из матового стекла, с табличкой, на которой стояло: «Бродье и Ко. Агентство.»

«Ты прав»,—сказал Вильямс после небольшой паузы:—«Это Волтурно».

Сильная рука нажала на ручку двери, и в комнату вошел мужчина. Его резкий взгляд скользнул по остальным трем. «Хорошо»,—сказал он:—«Все в сборе. Меня задержали на несколько минут».

Он не принес никаких особых извинений и говорил в повелительном тоне. Короткое, толстое пальто вошедшего, плотно облежавшее его широкие плечи, было насквозь мокро. Он снял шляпу и стряхнул с нее капли дождя.

«Воды достаточно, чтобы утопить акулу»,—заметил он.

Остальные не отвечали, с ожиданием глядя на вошедшего. Он снял свое пальто, взял небольшой столик, стоявший около окна и придвинул его к огню.

„Ну, приступим к нашему совещанию“,—сказал он:— «Здесь теплее, на столик мы можем положить наши бумаги и заметки и к тому же, когда мы сидим близко друг к другу, нам не нужно громко говорить».

«Нет никакой опасности говорить громко»,—заметил Лайнгар: — «Во всем доме, кроме портье, нет ни души».